947.005
RUSK
1911
no.11

05
P-89
№1963

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

НОЯБРЬ. 1911 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.** А. Ѳ. Кони. . . 231—269

II. **О цѣнѣ за ревизскую душу въ 1827 г. въ Малороссіи.** Сообщ. И. Ф. Павловскій. 270

III. **М. В. Ломоносовъ.** . . 271—281

IV. **Къ біографіи художника Д. Г. Левицкаго.** Сообщ. И. Ф. Павловскій. . . 282

V. **Нѣсколько листковъ изъ семейнаго архива въ связи съ воспоминаніями объ Императорѣ Александрѣ II.** М. К. . . 283—297

VI. **Отпускъ въ Москву на коронацію Импер. Елизаветы Петровны комедіантовъ.** Сообщ. И. С. Б. 298

VII. **Изъ Подольской старины.** В. Сл. и Ѳ. Ф—ко. 299—312

VIII. **Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г.** Е. А. Рагозиной. . . . 313—320

IX. **Страницы изъ годовъ моей жизни.** (Проекты памятниковъ Ломоносову и Островскому). Анатолія Егорова. . . . . 321—326

X. **Изъ воспоминаній о Царскомъ Селѣ.** М. Маринной . . . . . 327—337

XI. **Переписка Ле Дюра съ гр. Аракчеевымъ въ 1818—1819 гг. о бронзовой люстрѣ.** Н. Лашкова. . . 338—342

XII. **О понудительномъ обученіи дворянскихъ дѣтей въ 1743 г.** Сообщ. И. С. Б. 343—344

XIII. **Воспоминанія стараго педагога.** А. Ѳ. Андріяшевой. 345—352

XIV. **Изъ архива кн. Л. А. Ухтомскаго.** Сообщ. А. В. Жиркевичъ. . . . . 353—368

XV. **Императоръ Николай Павловичъ и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ ихъ письмахъ 1825—1831 гг.** (Ихъ характеристика и взаимныя отношенія). В. Тимощукъ. . 369—384

XVI. **Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 годахъ.** (Дневникъ участника съ 2 февраля 1904 г. по 30 іюля 1905 г.). Г. А. Данилова . . . . 385—391

XVII. **Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ.** (Изъ бумагъ Ал. Н. Попова). Ал. Попова. 395—404

XVIII. **Депутатъ отъ Россіи.** (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. 405—425

XIX. **Къ исторіи постройки С.-ПБ. Троицкаго собора.** Сообщилъ И. С. Б. . 426

XX. **Изъ Кавказскаго прошлаго.** (По воспом. о трехгод. плѣнѣ казачки Соломониды Капитоновны Гончаренко). Д-ра Е. Аничкова-Платонова. . . . . 427—447

XXI. **М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны.** (Изъ воспоминаній). А. Е. К. . . . . 449—457

XXII. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**

а) **Изъ архивныхъ мелочей.** Сообщилъ В. А. Алексѣевъ. . . . . 392—394

б) **Къ исторіи монастырей.** (Изгнаніе игумена изъ монастыря, 1682 г.). Сообщ. Ив. Суворовъ. . 448

XXIII. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 23 іюня по 14 іюля 1911 г.** . . 458—460

XXIV. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложеніе. Портретъ **Михаила Васильевича Ломоносова.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1911 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1911 года.

Изъ воспоминаній о Царскомъ Селѣ.

„Ничто не исчезаетъ изъ стараго все развивается и новая жизнь наплываетъ на старые обломки.“ *Гете.*

Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ теперь на углу Малой и Конюшенной улицы возвышается красивой архитектуры большая двухъэтажная вилла, принадлежащая генералу Скалону, стоялъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія—хорошенькій, небольшой домъ съ мезониномъ—вдовы ротмистра лейбъ-гусарскаго полка Екатерины Петровны Слѣпцовой, рожденной княжны Шаховской.

Чрезвычайно уютный, съ небольшимъ балкономъ-галлереей; съ 4 ступеньками въ садъ, домъ моей бабушки представляется мнѣ, посѣтившей его, въ раннемъ дѣтствѣ, особенно привлекательнымъ.

Помнится мнѣ, что въ комнатахъ, выходящихъ на улицу, было всегда прохладно; что въ нихъ постоянно, даже въ солнечные дни, царилъ таинственный полумракъ, благодаря тѣмъ хорошенькимъ, матоваго стекла, съ нѣжными рисунками—ширмамъ, что стояли на окнахъ. Помнится также, что раскаленныя докрасна, проволочныя спирали курильницъ (которыхъ теперь уже нигдѣ не видно) разносили по всему дому ароматъ Eau de Lavande, смѣшаннаго съ запахомъ дорогого нюхательнаго французскаго табака, который бабушка въ золотой табакеркѣ имѣла всегда при себѣ. Эта прохлада, таинственный полумракъ и благоуханіе придавали такую привлекательную особенность этому дому, были такъ присущи ему, что безъ нихъ мнѣ трудно представить себѣ всю обстановку: ста-

ринную массивную мебель, тяжелую, цѣнную бронзу, портреты, миніатюры и проч., относящееся до той эпохи, до того далекаго прошлаго.

Расположеніе комнатъ, какъ и число ихъ, не сохранилось въ моей памяти; припоминается мнѣ только, почему-то смутно, прохладная маленькая столовая, гдѣ на правой сторонѣ отъ входа висѣла извѣстная большая гравюра, изображающая Императора Николая I-го въ шинели и каскѣ, въ саняхъ, запряженныхъ вороными рысакомъ. Разстилавшіяся по всему дому, ковровыя дорожки были закрыты бѣлоснѣжными половиками; на террасѣ стояли оригинальные садовые стулья, въ видѣ римской цифры X изъ мелкихъ зеленыхъ брусковъ. Всего четыре ступеньки вели въ садъ, съ большими высокими липами,—выходившій одной стороной на улицу и граничащій каменной стѣной зданія придворнаго конюшеннаго вѣдомства—съ другой.

Лучше, яснѣе всего прочаго, сохранилось въ моей памяти представленіе о хорошенькомъ маленькомъ дворикѣ, на которомъ были особенно сосредоточены заботы дворника поляка Степана (состоявшаго денщикомъ при дядѣ, въ венгерской кампаніи 1854 года). Болѣе чистаго параднаго дворика я не встрѣчала во всю послѣдующую жизнь,—укатанный, ровный, усыпанный пескомъ, онъ былъ обсаженъ кустами сирени и шпалерами высокорослыхъ георгинъ.

Изъ этого дома, въ 1831 году, въ составъ лейбъ-гусарскаго полка подъ командою графа Гр. Ив. Ностица выступалъ въ походъ, для усмиренія польскаго мятежа, владѣлецъ его, ротмистръ Ник. Серг. Слѣпцовъ. Заливаясь слезами, при проводахъ мужа, бабушка какъ бы предчувствовала, что живымъ не суждено ему вернуться подъ гостепріимную кровлю церскосельскаго дома и что она на вѣки разстается съ нимъ! Онъ умеръ въ варшавскомъ госпиталѣ отъ воспаленія мозговыхъ оболочекъ, вслѣдствіе 17-ти сабельныхъ ранъ, нанесенныхъ ему въ штурмѣ предмѣстья Праги 26-го августа 1831 года.

На картинѣ извѣстнаго батальнаго живописца профессора Вильвальда, исполненной по заказу Императора Александра II, въ 1869 году, находящейся въ его кабинетѣ Зимняго дворца, изображенъ тотъ моментъ атаки, когда во время жаркаго боя, старый типичный гусарскій вахмистръ тщетно пытался отразить ударъ врага надъ головой ротмистра Слѣпцова, своего эскадроннаго командира. Потерявшій сознаніе, упавшій съ лошади, онъ былъ доставленъ въ варшавскій военный госпиталь, гдѣ, несмотря на заботливый уходъ, умеръ отъ ранъ, нанесенныхъ сабельными ударами, на 44-мъ году жизни.

Не было въ то время ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ и нескоро черезъ фельдъ-егеря дошла до бабушки роковая вѣсть о кончинѣ ея мужа, погребеннаго на Новонзковскомъ кладбищѣ, возлѣ павшихъ съ нимъ одновременно двухъ боевыхъ его товарищей, Мурузи и Кирѣевскаго (въ 3 ряду 25-го квартала).

Тяжелое предчувствіе бабушки при снаряженіи мужа въ походъ оправдалось; веселая, живая, любившая свѣтъ, танцы, выѣзды, она, овдовѣвъ, стала вести уединенную замкнутую жизнь въ царскосельскомъ домѣ, особенно дорогомъ по воспоминаніямъ о покойномъ мужѣ.

Императоръ Николай I-й, выразивъ вдовѣ искреннее сочувствіе въ понесенной ею утратѣ, принялъ горячее, живое участіе въ осиротѣвшей семьѣ.

Шестилѣтній сынъ Павелъ [1]) былъ немедленно принятъ въ Пажескій Корпусъ, а малолѣтняя дочь Софья (моя мать) зачислена на Николаевскую половину Смольнаго Института.

Бабушка осталась жить въ Царскомъ Селѣ, окруженная множествомъ друзей, какъ лично своихъ, такъ и покойнаго мужа. Одними изъ наиболѣе близкихъ была семья генерала Мердера [2]), жена его Сарра Николаевна (англичанка по рожденію, любившая горячо Россію, какъ свою вторую родину) и дѣти ихъ, изъ которыхъ старшій Петръ Карловичъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ) былъ ровесникомъ и товарищемъ моего дяди по корпусу. Со всѣми остальными: Николаемъ (начальникомъ дивизіи), Иваномъ Карловичами [3]) и дочерьми М. К. Бидзевской и А. К. Анненковой [4]) бабушка поддерживала до самой смерти своей самыя дружескія отношенія. Помнятся мнѣ имена: царскосельскаго коменданта генерала Закржевскаго (чрезвычайно требовательнаго ко всему, что относилось до внѣшняго порядка, въ особенности парка и оранжерей), протоіерея Помяловскаго [5]) и другихъ.

Но самымъ близкимъ, дорогимъ другомъ была вдова ея единственнаго брата-близнеца князя Ѳедора Петровича Шаховскаго — княгиня Наталія Димитріевна, рожденная княжна Щербатова. Кня-

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, пользовавшійся до самой смерти особеннымъ расположеніемъ Императора Александра II.

[2]) Которому вмѣстѣ съ В. А. Жуковскимъ и Кавелинымъ было поручено Императоромъ Николаемъ I воспитаніе Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича.

[3]) Почетнымъ опекуномъ, скончавшимся въ декабрѣ 1901 года.

[4]) Начальница Коломенской гимназіи.

[5]) Отецъ профессора-археолога, извѣстнаго филолога И. В. Помяловскаго, впослѣдствіи ректора С.-Петербургскаго университета.

гиня Наталія Димитріевна не только по мужу, но и по отцу находилась въ родствѣ съ Е. П. Слѣпцовой, такъ какъ мой прадѣдъ, князь Петръ Ивановичъ Шаховскій [1]) былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Щербатовой.

Съ невѣсткой своей, княгиней Наталіей Димитріевной много выѣзжала въ свѣтъ бабушка въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія; съ нею всегда дѣлила она горе и радость. Княгиня Наталія Димитріевна, которую помню я въ Москвѣ въ 70-хъ годахъ минувшаго вѣка уже почтенной глубокой старухой, сохранившей свѣжую память и гибкость ума, была по энергіи, твердости характера, образованію, уму и безпредѣльной добротѣ и отзывчивости замѣчательно выдающеюся женщиной. Горячо любя своего мужа, одного изъ декабристовъ (единомышленника Пестеля, Каховскаго, Муравьева и пр.), она въ 1825 году безъ колебаній и сожалѣній, покинувъ столицу, послѣдовала за нимъ въ ссылку; совершивъ трудный путь безропотно, покорно переносила всѣ труды, лишенія и невзгоды—тяжелой суровой жизни. Когда въ 1831 году умеръ въ Сибири мужъ ея, она съ двумя малолѣтними дѣтьми князьями Иваномъ [2]) и Дмитріемъ [3]) прибыла въ Москву, чтобы быть ближе къ единственной старшей сестрѣ своей княжнѣ Елизаветѣ Димитріевнѣ Щербатовой, жившей зимой въ своемъ домѣ-особнякѣ на Малой Никитской (близъ Трубнаго переулка) и проводившей лѣто въ своемъ подмосковномъ имѣніи Рождественскомъ.

Тѣсно связанныя узами дружбы и родства—невѣстки Е. П. Слѣпцова и княгиня Н. Д. Шаховская вели дѣятельную переписку на французскомъ языкѣ. Письма эти, какъ по содержанію, такъ и по стилю представляютъ особенный интересъ, и многія изъ нихъ, какъ напримѣръ относящіяся къ смерти ротмистра Слѣпцова, помѣчены 21 октября 1831 года, проникнуты такой глубокой вѣрой, исполнены такой философской мудростью, что съ наслажденіемъ перечитываются черезъ 67 лѣтъ и сохраняются тщательно нами-потомками.

---

[1]) Впослѣдствіи новгородскій генералъ-губернаторъ, вторично женатъ на Матренѣ Михайловнѣ Кутузовой.

[2]) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, командиръ 13 арм. корпуса, скончавшійся въ 1891 году и погребенный въ Кіевѣ, женатый 1-мъ бракомъ на графинѣ Ек. Ст. Бержинской, 2-мъ бракомъ на вдовѣ А. Ю. Михайловской.

[3]) Предводитель дворянства Рузовскаго уѣзда Москов. губ., женатый на княжнѣ Нат. Бор. Святополкъ-Четвертинской, начальницѣ общины „Утоли моя печали“ въ Москвѣ.

Въ одномъ только расходились обѣ женщины, чрезвычайно сходныя по воспитанію, уму, характеру; а именно, въ своемъ отношеніи къ личности Императора Николая I. Тогда какъ вдова ротмистра Слѣпцова, искренно благодарная Императору за его великодушное участіе къ ней и нѣжную заботу о ея дѣтяхъ, питала къ нему чувство глубокой благоговѣйной признательности; вдова, декабриста княгиня Наталія Димитріевна, за утвержденіе Императоромъ суроваго приговора верховнаго суда—не могла побороть въ себѣ чувства непріязни, горькой обиды за ссылку въ Сибирь, опалу любимаго мужа. Поселившись въ Москвѣ, она непріязненно, почти враждебно относилась къ Петербургу и мало интересовалась тѣми придворными великосвѣтскими новостями, которыя сообщались ей невѣсткой и подругой Роз. Ил. Посьетъ (кн. Максутовой), женой бывшаго впослѣдствіи Министра Путей Сообщенія (1814—1888 г.). Несмотря на просьбы друзей и сына князя Ивана, командовавшаго въ 50-хъ годахъ эскадрономъ лейбъ-гусарскаго полка и жившаго въ Царскомъ Селѣ, княгиня Наталія Димитріевна не соглашалась хотя бы на время покинуть Москву.

Поселившись въ царскосельскомъ домѣ, бабушка во всю свою жизнь не заглядывала въ родовое имѣніе мужа Саратовской губерніи, Аткарскаго уѣзда (при деревнѣ Березовкѣ-Слѣпцовкѣ, около 800 душъ крестьянъ). Управляющій нѣмецъ Г., при ежегодномъ общемъ отчетѣ, представлялъ доходъ съ вотчинъ ей, какъ опекуншѣ малолѣтнихъ дѣтей, и она, незнакомая съ деревней, никогда не вникала въ хозяйство, ожидала совершеннолѣтія сына, чтобы предоставить ему право распоряженія родовымъ имѣніемъ, но, какъ оказалось впослѣдствіи, дядя также индифферентно отнесся къ владѣнію отцовскимъ наслѣдіемъ, и распоряженіе имъ осталось въ прежнихъ рукахъ. Онъ по окончаніи курса въ 1850 году, по совѣту товарищей, для совмѣстнаго служенія съ наиболѣе близкими изъ нихъ предполагалъ выйти въ конный полкъ, но Императоръ Николай Павловичъ самъ выразилъ желаніе, чтобы сынъ храбраго ротмистра Слѣпцова поступилъ въ ряды того же полка, на черныхъ скрижаляхъ котораго имя отца значилось въ спискѣ „за вѣру, Царя и отечество на полѣ брани животъ свой положившимъ“, и въ знакъ своего милостиваго благоволенія, препроводилъ пожалованный ему мундиръ лейбъ-гусарскаго полка.

Подобная же вторичная монаршая милость, пожалованія мундира лейбъ-гусарскаго полка, была оказана ему въ 1881 году уже внукомъ Императора Николая I-го Государемъ Императоромъ Александромъ III-мъ, прославшимъ ему—всю жизнь прослужившему

въ свитѣ его Августѣйшаго отца и беззавѣтно ему преданному—мундиръ Царя Мученика [1]).

Вскорѣ по выходкѣ изъ полка, П. Н. Слѣпцовъ былъ назначенъ адъютантомъ (вмѣстѣ съ П. К. Мердеромъ, А. В. Адлербергомъ и А. В. Паткулемъ) къ Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу. Когда окончившая съ золотою медалью Смольный Институтъ, мать моя С. Н. вышла замужъ за отца моего Мих. Ив. Бардакова, служившаго въ то время въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ [2]), то бабушка въ теченіе многихъ послѣдующихъ лѣтъ, не разставаясь съ своимъ единственнымъ, горячо любимымъ сыномъ, жила въ томъ царскосельскомъ домѣ, посѣщеніе котораго въ 1859 году сохранилось особенно ясно, свѣтло въ моей памяти.

Это было такъ давно... Съ того времени было пережито такъ много значительнаго, важнаго, знаменательнаго, что было окончательно позабыто, тогда какъ почему-то сильно,—на вѣки врѣзался въ память пріѣздъ въ раннемъ дѣтствѣ, впервые въ Царское Село. Это было, помнится мнѣ, въ іюнѣ 1859 года. Мнѣ было тогда лѣтъ 6, когда насъ съ сестрой (на годъ моложе меня) привезла къ бабушкѣ—наша бонна, потому что въ Петербургѣ внезапно заболѣлъ нашъ маленькій (всего нѣсколько мѣсяцевъ) братъ Митя. Я помню, что въ тотъ ясный лѣтній день мы застали на галлереѣ бабушку, тотчасъ отправившую насъ въ садъ, чтобы разспросить няню о причинѣ нашего неожиданнаго пріѣзда.

Бабушка, никогда не любившая дѣтей, относилась, на сколько я помню, ко всѣмъ намъ оффиціально. Помнится мнѣ, что насъ помѣстили въ маленькомъ мезонинѣ, выходившемъ тремя завѣшанными красными занавѣсками окнами—въ садъ.

Строго было предписано намъ не шумѣть и не надоѣдать бабушкѣ, проводившей большую часть дня на балконѣ за чтеніемъ Journal de S.-Pétersbourg или за перепиской съ друзьями, къ числу которыхъ принадлежалъ извѣстный тогда гомеопатъ докторъ

---

[1]) Который до сихъ поръ какъ святыня сохраняется въ нашей семьѣ.

[2]) Отецъ мой, человѣкъ ученый, многосторонне образованный, начитанный, принималъ, въ качествѣ члена различныхъ комиссій, большое участіе въ различныхъ государственныхъ преобразованіяхъ, которыми было такъ богато царствованіе Императора Александра II. Такъ по военному вѣдомству онъ участвовалъ въ комиссіи по реформѣ воинской повинности, въ Мин. Внутр. Дѣлъ по реорганизаціи сельскаго самоуправленія. Скончался въ 1884 году въ чинѣ дѣйств. статск. совѣтн. въ своемъ родовомъ имѣніи с. Чепелѣевкѣ Черниг. губ. Кролевецкаго уѣзда.

Дерикеръ [1]). Бабушка была горячей почитательницей знаменитаго Ганемана [2]) и не признавала врачей-аллопатовъ.

Рѣзвились мы вволю только въ гостяхъ у князя (И. Ѳ. Шаховскаго), такъ какъ высокая, стройная, изящная тетя Kitty болѣзненно блѣдная (рано умершая), всегда баловавшая насъ наравнѣ съ своими дѣтьми Nini [3]) и Тата [4]) и дарившая много игрушекъ, не запрещала бѣгать и рѣзвиться.

Въ домѣ бабушки, гдѣ всегда царилъ полумракъ, гдѣ такъ симметрично разставлена была старинная мебель, гдѣ по всѣмъ комнатамъ ковровыя дорожки были закрыты бѣлоснѣжными, съ красными каймами — половиками, мы старались ходить робко, неслышными шагами и говорить возможно менѣе громко.

Это было такъ давно, что недѣля, прожитая въ домѣ на углу Малой и Конюшной, представляется мнѣ сномъ—вѣроятно потому, что въ позднѣйшее время не пришлось бывать въ немъ, видѣть его такимъ, какимъ онъ былъ въ ту эпоху.

Съ представленіемъ о маленькомъ мезонинѣ, старыхъ липахъ небольшого сада, нарядномъ дворикѣ, усыпанномъ пескомъ, пробуждается въ памяти воспоминаніе о всѣхъ тѣхъ аксессуарахъ обстановки, что такъ рѣдко можно встрѣтить въ старыхъ родовыхъ усадьбахъ, что даютъ такое характерное стильное представленіе объ этомъ далекомъ прошломъ. Старинная массивная мебель, небольшіе клавикорды съ бронзовыми бляхами и 5-ю неполными октавами; высокіе серебряные подсвѣчники съ толстыми восковыми свѣчами и необходимою къ нимъ принадлежностью съ гравированными по стали рисунками, оригинальной формы щипцами, для сниманія нагара; старыя массивныя лампы карсель съ абажурами изъ плотной бѣлой бумаги, съ проколотыми и надрѣзанными узорами, — днемъ не имѣвшіе никакого вида, но удивительно эффектные при свѣтѣ, такъ какъ листья и цвѣты, подклеенные цвѣтной тонкой бумагой, рельефно выдѣлялись, образуя красивыя гирлянды.

Но самую необходимую принадлежность обстановки того времени составляли вышивки au petit point (Gobelin), надъ которыми проводили цѣлые дни, недѣли и мѣсяцы наши бабушки—изображая на экранахъ и подушкахъ: затѣйливыя фигуры охотниковъ съ большими ружьями, сюжеты сказокъ: Красная шапочка, Снѣгурочка или

---

[1]) Популярный лечебникъ гомеопатіи.

[2]) Фридрихъ Ганеманъ (1775—1843), извѣстный сочиненіемъ „*Organon*“.

[3]) Впослѣдствіи полковникъ Уланскаго Его Величества полка Ник. Ив. Шаховской.

[4]) Жена виленскаго губернатора П. В. Оржевскаго, находившаяся на Дальнемъ Востокѣ въ составѣ сестеръ милосердія Евгеніевской общины.

Котъ въ сапогахъ; пастушки съ бѣлыми барашками, рыцарей въ дорогихъ доспѣхахъ и обитательницъ средневѣковыхъ замковъ—въ богатыхъ причудливыхъ нарядахъ.

Всѣ эти незначительныя отдѣльности, щипцы для нагара, лампы карсель, благоуханія курильницы, наивно идиллическія вышивки бисеромъ и шелками, портреты предковъ, изящныя миніатюры на фарфорѣ, темные дагеротипы и пр., сдѣлавшіеся въ настоящее время антикварною рѣдкостью—имѣютъ въ совокупности большое значеніе, придаютъ какую-то couleur locale и составляютъ такую исключительную характерность обстановки первой половины минувшаго вѣка, что безъ нихъ невозможно представить себѣ существованіе людей, изображенныхъ на портретахъ въ мундирахъ и фракахъ, съ париками или прическами à la Titus и дамъ въ костюмахъ временъ Директоріи или съ куафюрами à la Lavalliere съ небольшими локонами. Такою именно, — въ бальномъ костюмѣ гранатнаго бархата съ короткой таліей и мелкими локонами изображена бабушка на большомъ портретѣ масляными красками и среди той устарѣвшей обстановки, такою молодою жизнерадостною преставляю я ее себѣ, а не худощавой, чопорной, подвижной, бодрой—изысканно одѣтой во все черное, какою была она въ послѣдніе годы своей жизни въ Петербургѣ среди совершенно иной обстановки.

Прошло много лѣтъ... На мѣстѣ стараго невысокаго дома съ мезониномъ возвышалась красивая двухъ-этажная вилла причудливой архитектуры, выстроенная въ началѣ 70-хъ годовъ по плану придворнаго архитектора Видова.

Массивная старомодная мебель, старинная бронза, какъ и устарѣвшая обстановка, была перенесена въ прилегающую къ главному зданію, одноэтажную пристройку, помѣщеніе бабушки, такъ какъ новый домъ составлялъ собственность моего дяди П. Н. Слѣпцова и его молодой жены (москвички С. Н., рожденной Батюшковой).

Все было ново, модно, стильно, красиво; не было ничего стараго, что бы могло внести дисгармонію.—У входа на лѣстницу во 2-й этажъ стояло на заднихъ лапахъ то самое чучело громаднаго медвѣдя, составлявшаго трофей Царской охоты въ Лиссинскомъ лѣсничествѣ, за котораго чуть не расплатился бы жизнью дядя, если бы раненаго, разъяреннаго звѣря, шедшаго на него,—вò-время не отбилъ рогатиной подоспѣвшій егерь.

Сквозь стеклянную дверь столовой виднѣлся чудный уголокъ зимняго сада, съ стѣнами, обложенными губчатымъ камнемъ, съ акваріумомъ въ одномъ углу и небольшимъ фонтаномъ въ другомъ и массой пальмъ, цикосъ, латаній и цвѣтущихъ растеній.

Маленькій угольный будуаръ, весь обтянутый съ пола до потолка сѣрымъ съ розовыми цвѣтами кретономъ—заложеннымъ красивыми лучеобразными складками, имѣлъ видъ нарядной бонбоньерки. Съ увеличеніемъ площади, занимаемой домомъ, подвергся измѣненію и садъ со старыми липами, и сталъ значительно меньше. Но больше всего измѣнился до неузнаваемости хорошенькій дворикъ, вымощенный крупнымъ булыжникомъ, застроенный конюшней, экипажнымъ сараемъ, онъ сталъ необыкновенно тѣсенъ и неприглядень.

Измѣнилась не одна только внѣшность дома, но и весь жизненный строй обитателей. Молодые, общительные, гостепріимные новые владѣльцы зажили иною—шумною свѣтскою жизнью. Дружное, тѣсно сплоченное высшее Царскосельское общество того времени умѣло принимать, жить и веселиться. Постоянно устраивались вечера, назначались jours fixe, собирались, чтобы пѣть, играть, декламировать. Особенно охотно посѣщались понедѣльники моего дяди П. Н. Слѣпцова.

Въ большой пунцовой гостиной радушнаго дома талантливый Ник. Егор. Сверчковъ [1]) дѣлалъ свои удачные смѣлые наброски, изображавшіе охоту, собакъ, лошадей, волковъ и пр.

Многіе изъ тѣхъ красивыхъ морскихъ видовъ, которые сохранились въ нашей семьѣ, были тогда же написаны акварелью Ив. Кон. Айвазовскимъ, посѣщавшимъ понедѣльники.

Много изящныхъ силуэтовъ, забавныхъ каррикатуръ было изображено тогда же перомъ А. П. Степанова [2]) (окончившимъ лицей), сыномъ Царскосельскаго коменданта генералъ-лейтенанта Степанова [3]). Къ тому же времени относятся юмористическія стихотворенія П. Н. Слѣпцова, хозяина дома, на злободневныя темы (плохое освѣщеніе Царскосельскихъ улицъ, нѣкоторые дефекты городского самоуправленія). У хозяйки дома было пріятное mezzo soprano и удивительно мягкое красивое toucher, она играла много на память, по слуху, и удачно импровизировала. Постоянными посѣтителями понедѣльниковъ была семья генерала Паткуля (жена его М. А., рожденная маркиза де Траверсе), кирасирскій полкъ съ командиромъ своимъ барономъ А. О. Дризенъ; лейбъ-гусары, товарищи дяди, состоявшіе въ свитѣ Его Величества, не позабытые, какъ великокняжескіе адъютанты въ завѣщаніи въ Бозѣ почившаго

[1]) Профессоръ-академикъ (1817—1898 г.), картины жанровыя, охотничьи.

[2]) Профессоръ живописи съ 1847 года. Лучшія картины — Всемірный потопъ, Эпизоды изъ жизни Колумба.

[3]) Братъ М. П., состоявшаго при Великомъ Князѣ Сергѣѣ Александровичѣ.

Императора Александра II [1]) и получившіе картины изъ Таицкаго кабинета Его Величества. Устраивались jours fixe по воскресеньямъ у Паткуль, танцовали по средамъ въ Царскосельскомъ дворцѣ у Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, у княгини Амилахвари и пр.

Получивъ назначеніе предсѣдателя строительной комиссіи придворнаго вѣдомства, временно исполнявшій обязанности С.-Петербургскаго градоначальника, Гатчинскаго коменданта, дядя навсегда покинулъ Царское Село, изъ котораго еще раньше выѣхала бабушка, на постоянное жительство въ столицу.

Странное неслыханное злодѣяніе, совершенное 1-го марта 1881 года, мученическая кончина Царя-Освободителя великаго народа, тѣмъ болѣе потрясла П. Н. Слѣпцова, что онъ въ роковое утро 1-го марта по обыкновенію пилъ кофе съ Государемъ въ собственныхъ Его Величества утреннихъ аппартаментахъ; присутствовалъ вмѣстѣ съ Императоромъ и членами его семьи на литургіи въ Малой церкви Зимняго дворца и, получивъ разрѣшеніе Его Величества, по случаю нездоровья, не сопровождать его на обычный воскресный разводъ въ Михайловскомъ манежѣ, послѣ обѣдни вернулся домой на Моховую улицу.

Оглушительный взрывъ, слышанный около 3 часовъ во всѣхъ концахъ города, и вѣсть объ ужасной катастрофѣ близъ Екатерининскаго канала быстро разнеслась по столицѣ.

Поспѣшившему немедленно въ Зимній дворецъ—П. Н. Слѣпцову не суждено было застать въ живыхъ обожаемаго Монарха, котораго онъ всего часовъ за 5 видѣлъ какъ всегда энергичнымъ, здоровымъ, бодрымъ. На немъ, какъ предсѣдателѣ строительной комиссіи придворнаго вѣдомства, лежала забота о склепѣ въ Петропавловскомъ соборѣ. Преодолѣвая недугъ, усиленный нервнымъ потрясеніемъ—отдавалъ онъ послѣднія приказанія, относящіяся къ погребенію, и въ числѣ близкихъ людей, закрылъ крышку гроба съ останками того, кто страданіемъ заслужилъ вѣнецъ мученика и кого такъ неутѣшно, горячо оплакивала Россія.

Всего 10 мѣсяцевъ пережилъ П. Н. Слѣпцовъ Императора Александра II, служенію которому посвятилъ всю свою жизнь съ чина поручика, великокняжескаго адъютанта и состоя впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ въ свитѣ Его Величества, послѣ продолжительной тяжкой болѣзни скончался въ Москвѣ 9-го января 1882 года.

Потерявшая единственнаго горячо любимаго сына, бабушка Екатерина Петровна, присутствовавшая при погребеніи его въ

[1]) Адлербергъ, Паткуль, Мердеръ, гр. Ностицъ, Воейковъ.

Алексѣевскомъ монастырѣ [1]), не могла пережить своего горя. Тоскуя безутѣшно, она скоропостижно скончалась въ Петербургѣ въ 9-й день со дня смерти сына.

Императоръ Александръ III, увѣдомленный о кончинѣ ея, выразившій участіе моей матери, лишившейся почти одновременно матери и брата, изъявилъ согласіе на исполненіе послѣдней воли покойнаго, человѣка, беззавѣтно преданнаго Его въ Бозѣ почившему отцу,—на зачисленіе въ Пажескій корпусъ единственнаго брата моего А. М., принявшаго фамилію своего бездѣтнаго дяди.

Со времени кончины владѣльцевъ Царскосельскаго дома прошло ровно четверть вѣка.

По наружному виду не подвергшійся существенному измѣненію домъ въ Царскомъ Селѣ, сданный въ 70-хъ годахъ со всей обстановкой графу Ив. Ил. Воронцову-Дашкову [2]) былъ впослѣдствіи занимаемъ маркизомъ Паулуччи, Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ (во время командованія лейбъ-гусарскимъ полкомъ), въ 1892 году, когда мнѣ пришлось провести зиму въ Царскомъ Селѣ—онъ принадлежалъ генералу Скалону.

Съ грустью я проходила тогда мимо него... Въ воображеніи моемъ возникало представленіе о нѣкогда стоявшемъ на этомъ мѣстѣ маленькомъ домѣ, съ мезониномъ, со всей его устарѣвшей традиціонной, характерной, не существующей болѣе обстановкой давно, невозвратно минувшихъ дней.

М. Марина.

---

[1]) Въ Москвѣ неподалеку отъ вокзала Николаевской жел. дороги.

[2]) Въ настоящее время намѣстника Кавказа.